
РАКУРСЫ

Б.О. СОКОЛОВ, М.А. ЗАВАДСКАЯ, К.Ш. ЧМЕЛЬ*

**ДИНАМИКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ В РОССИИ
В ХОДЕ ПАНДЕМИИ COVID-19: АНАЛИЗ ДАННЫХ
ОПРОСА «ЦЕННОСТИ В КРИЗИСЕ»¹**

Аннотация. Как пандемия COVID-19 повлияла на отношение россиян к политическим институтам? Агрегированные данные мониторинговых опросов показывают, что по сравнению с допандемийным периодом различные показате-

---

* **Соколов Борис Олегович**, кандидат политических наук, заведующий лабораторией, старший научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) им. Р. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: bssokolov@hse.ru; **Завадская Маргарита Андреевна**, Ph.D, научный сотрудник факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, старший научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) им. Р. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: mzavadskaya@eu.spb.ru; mzavadskaya@hse.ru; **Чмель Кирилл Шамилевич**, научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований (ЛССИ) им. Р. Инглхарта, преподаватель департамента интегрированных коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: kchmel@hse.ru

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020–928)

© Соколов Б.О., Завадская М.А.,
Чмель К.Ш., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.02.06

ли политической поддержки в России незначительно снизились. Однако статистика такого рода не позволяет понять, как именно разнообразные аспекты опыта столкновения с коронавирусным кризисом отразились на индивидуальных оценках деятельности правительства. В настоящей статье представлены результаты анализа данных первых двух волн международного панельного онлайн-опроса «Ценности в кризисе» (Values in Crisis) по России. Первая волна прошла в июне 2020 г.; вторая – в апреле – мае 2021 г. Размер выборок составил 1527 и 1199 респондентов соответственно; 1014 человек приняли участие в обоих этапах исследования. В качестве зависимой переменной использовался интегральный индекс политической поддержки, включающий показатели как диффузной, так и специфической поддержки. Регрессионное моделирование показало, что в ходе первой волны пандемии непосредственный опыт болезни и связанная с коронавирусом тревожность положительно коррелировали с уровнем политической поддержки, а вот опасения насчет возможных материальных потерь – отрицательно. При этом ухудшение материального положения на поддержку не влияло. Другими важными предикторами оказались правые политические взгляды и доверие традиционным СМИ (повышавшие поддержку), а также склонность к ковид-скептицизму (ее снижавшая). Через год ситуация несколько изменилась: ни опыт болезни, ни ковид-тревожность не были связаны с поддержкой, тогда как эффекты экономических факторов стали более заметными.

Ключевые слова: политическая поддержка; пандемия COVID-19; ретроспективное голосование; эффект «единения вокруг знамени»; институциональное доверие; российская политика.

Для цитирования: Соколов Б.О., Завадская М.А., Чмель К.Ш. Динамика индивидуальной политической поддержки в России в ходе пандемии COVID-19: анализ данных опроса «ценности в кризисе» // Политическая наука. – 2022. – № 2. – С. 122–143. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.06>

Введение

Пандемия COVID-19 сильно повлияла на политику в разных странах мира. Поддержка и одобрение деятельности правительства снизились во многих государствах; зачастую неудачные действия властей по борьбе с распространением коронавирусной инфекции становились поводом для массовых протестов [Pleyers, 2020; Kowalewski, 2020], а иногда даже приводили к поражениям на выборах и потере полномочий. Что происходило в этом отношении в России?

Данные мониторинговых опросов крупнейших отечественных социологических организаций показывают, что показатели политического доверия и одобрения деятельности различных органов власти после начала пандемии в стране несколько снизились по срав-

нению с предыдущим периодом. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), в начале 2020 г. более 70% опрошенных безусловно доверяли или скорее доверяли Президенту РФ В.В. Путину (пиковое значение было достигнуто в опросе от 26 января – 73,9%). После введения в марте и апреле массовых ограничений, призванных препятствовать распространению инфекции, уровень доверия начал снижаться. После середины апреля 2020 г. он ни разу не превышал отметку 70%, а в начале августа 2021 г. достиг минимального значения 61,4% (хотя с тех пор вырос и колеблется в интервале 64–66%). При этом разница между долями тех, кто безусловно или скорее доверяет президенту, и тех, кто безусловно или скорее не доверяет ему, сократилась в ходе пандемии примерно в полтора раза: если непосредственно перед началом ее активной фазы в России данный показатель колебался в интервале 45–50%, то летом и осенью 2021 г. практически не превышал 35% и иногда опускался ниже 30%¹.

Опросы Левада-центра также показывают, что после введения масштабных ограничительных мер рейтинг одобрения деятельности президента упал примерно на 10%: со значений 68–70% за полгода с сентября 2019 до февраля 2020 г. до 59–60% в апреле – июле 2020 г. Затем он периодически достигал прежнего уровня (август – сентябрь 2020 г.), но в целом в течение последних полутора лет колеблется в районе 64–65%. Если смотреть на более длительный период, то показатели одобрения (неодобрения) для В.В. Путина во время пандемии находятся на исторически минимальных (максимальных) значениях и сравнимы только с периодом 2012–2013 гг., предшествовавшим присоединению Крыма. Однако «вклад» самой пандемии здесь представляется гораздо меньшим, чем эффект пенсионной реформы 2018 г., которая привела к обрушению президентского рейтинга примерно на 15% (если сравнивать средние значения за год до реформы и за год после). Одобрение деятельности премьер-министра даже выросло за последние два года (хотя весенний локдаун 2020 г. сопровождался локальным снижением), что, впрочем, может объясняться появлением на данном посту новой фигуры – М.В. Мишустина, сменившего непопулярного Д.А. Медведева. Флуктуации в уровне одоб-

---

¹ Доверие политикам // ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam> (дата посещения: 30.11.2021).

рения Правительства РФ, Государственной думы и региональных руководителей представляются незначительными¹.

Таким образом, социологические опросы показывают лишь небольшое снижение доверия / одобрения деятельности президента после начала пандемии. При этом оно не было линейным: имели место и падения рейтинга В.В. Путина, и его кратковременный рост до уровня, предшествовавшего приходу коронавируса в страну. Вместе с тем в 2020–2021 гг. в России неоднократно случались протестные акции, непосредственно связанные с эпидемиологической повесткой. Весной 2020 г. значительное недовольство вызывали вводимые в рамках политики локдауна ограничения. Особенно такие настроения проявлялись среди верующих – можно вспомнить получивший широкую огласку случай с иеромонахом Сергием, который отказался повиноваться профилактическим распоряжениям как светских, так и духовных властей в своем монастыре и подверг их публичной критике, после чего был отлучен от церкви, арестован и в конечном счете приговорен к реальному тюремному сроку².

Спустя почти полтора года – осенью 2021 г. – россияне массово сопротивлялись обязательным QR-кодам для вакцинированных и переболевших. Дело доходило даже до нападений на региональные органы Роспотребнадзора³, не говоря уже о шумной кампании в СМИ и активности противников QR-кодов в соцсетях: посвященный данной теме пост Председателя Государственной думы РФ В.В. Володина в Telegram от 27 ноября ко 2 декабря набрал более 700 000 комментариев, многие из которых носили негативный характер⁴. Все эти проявления протестных настроений свидетельствуют о том, что у определенных категорий российско-

---

¹ Одобрение органов власти // Левада-центр. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (дата посещения: 01.12.2021).

² «Это лагерь Сатаны»: экс-схиигумену Сергию Романову вынесли приговор // РИА-Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20211130/skhiigumen-1761506267.html> (дата посещения: 02.12.2021).

³ В Волгограде противники QR-кодов парализовали работу Роспотребнадзора // REGNUM. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/accidents/3427773.html> (дата посещения: 02.12.2021).

⁴ Володин В. Сегодня врачи 11 больниц обратились к противникам вакцинации от коронавируса... (27.11.2021) // Телеграм-канал. – 2021. – Декабрь. – Режим доступа: https://t.me/vv_volodin/220 (дата посещения: 02.12.2021).

го населения те или иные меры властей во время пандемии вызвали значительное недовольство.

Важно отметить, что агрегированные показатели политической поддержки, равно как и ситуативные индикаторы (вроде привязанных к конкретным поводам протестных акций), не отражают того, как именно различные аспекты индивидуального опыта пандемии повлияли на отношение граждан к существующей в стране политической системе. Кроме того, они могут маскировать разнонаправленные тренды (рост политической поддержки в одних социальных группах и снижение в других), тем самым не позволяя увидеть цельную картину. Ниже представлены результаты анализа панельных данных индивидуального уровня, полученных в ходе двух российских волн международного онлайн-опроса «Ценности в кризисе», которые частично восполняют указанные пробелы.

Обзор литературы

Пандемия – посредством карантинных мер, ограничений на передвижение внутри стран, закрытия границ и других мер – значительно повлияла на экономику подавляющего большинства государств мира. Усилилась волатильность рынков, выросла безработица, глобальный ВВП сократился на 4,4% за 2020 г. – МВФ даже назвал текущую рецессию крупнейшим спадом со времен Великой депрессии¹. Согласно теории ретроспективного голосования, – пожалуй, самой влиятельной на сегодня объяснительной модели в исследованиях политической поддержки, экономические потрясения обычно влекут за собой снижение рейтингов действующей власти [Key, 1966; Fiorina, 1981]. Это теоретическое положение неоднократно подтверждалось на практике [Lewis-Beck, Stegmaier, 2007; Hernández, Kriesi, 2016].

Эмпирические данные тем не менее показывают, что во время начального периода пандемии COVID-19 во многих европейских странах наблюдался не спад, а рост политической поддержки

---

¹ Coronavirus: How the pandemic has changed the world economy // BBC News. – 2021. – January. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/business-51706225> (accessed: 9.12.2021).

[Herrera et al., 2020; Bol et al., 2021; De Vries et al., 2021; Esaiasson et al., 2021; Kritzinger et al., 2021; Schraff, 2020], что может восприниматься как проявление классического эффекта «единения вокруг знамени» [Groeling, Baum, 2008]. Впрочем, имеющиеся исследования предполагают, что наиболее важной эмоцией в случае коронавируса, вероятно, стала массовая тревожность (*anxiety*), вызванная высоким уровнем неопределенности вокруг новой болезни и потенциальных социально-экономических последствий пандемии [Renström, Bäck, 2021]¹. Государство в таких условиях оказалось наиболее влиятельным агентом, способным предоставить защиту уязвимым группам и обеспечить порядок в обществе [De Vries et al., 2021; Schraff, 2020], что и вызвало рост политической поддержки. Экономические соображения вполне объяснимо играли меньшую роль: в самом начале пандемии ее негативные материальные эффекты еще не проявились в полной мере.

Однако экономическая логика не является единственным возможным типом ретроспективной логики – последняя может распространяться и на другие аспекты качества работы правительства [Healy, Malhotra, 2013, p. 294–295]. В контексте пандемии наиболее важным таким аспектом представляется эффективность системы здравоохранения. Например, вспышка H1N1 в 2009 г. показала, что негативные оценки того, как власти справлялись с распространением инфекции, а также политических и экономических последствий этого события, ассоциировались с более низким уровнем институционального доверия [Bangerter et al., 2012]. Согласно недавнему исследованию, в США число случаев заболевания на уровне графств отрицательно коррелирует с долей голосов, отданных за действующего президента Д. Трампа в ходе выборов 2020 г. Его авторы утверждают, что Трамп *ceteris paribus* сохранил бы свой пост, если уровень заболеваемости в стране был на 5% меньше, чем в реальности [Vaccini, Brodeur, Weymouth, 2021]. Правительства, которые эффективно боролись с пандемией, напротив, могли рассчитывать на рост народной поддержки² и ус-

---

¹ В случае с коронавирусом ситуация дополнительно усугублялась тем, что само заболевание является новым, и информация о нем, поступающая от ученых и государственных структур, была неполной и противоречивой.

² SDP gets boost due to handling of coronavirus crisis, researcher says // Yle. – Mode of access: <https://yle.fi/news/3-11384558> (accessed: 02.12.2021).

пешное переизбрание¹. Таким образом, рейтинг, или электоральные результаты правительства в подобных обстоятельствах в первую очередь зависят от того, насколько быстро и качественно оно способно выстроить эффективную систему противодействия распространению вируса и оказания помощи пострадавшим от болезни [Glaurdić et al., 2021].

Помимо прямых индивидуальных издержек пандемии (в виде болезни и ее возможных последствий или материальных потерь в результате ухудшения общей экономической ситуации) и порождаемой ею тревожности, свою роль может играть исходный общий уровень доверия политическим институтам в стране. Институциональное доверие влияет на готовность людей следовать политическим мерам, принятым для борьбы с распространением заболевания [Newton, 2020]: уверенность в действиях правительства в нормальной ситуации может способствовать большей толерантности к жесткой политике в ситуации экстремальной. В свою очередь, изначальные сомнения в том, что правительство контролирует ситуацию, могут привести к значительному снижению политической поддержки вследствие принятия непопулярных мер [Poortinga et al., 2004; Sjöberg, 2001].

Российский контекст

Имеется несколько исследований того, как пандемия повлияла на российскую политику. Так, за последние два года произошло обострение взаимоотношений федерального центра с регионами, обусловленное стремлением к перекладыванию ответственности за провалы в борьбе с пандемией на региональные администрации [Busygina, Filippov, 2021]. В свете приведенных выше свидетельств церковной фронды в период локдауна весны 2020 г. можно было ожидать, что еще одной линией раскола станут отношения РПЦ и государства. Однако консервативные религиозные респонденты в ходе первой волны пандемии оказались

---

¹ South Korea's ruling party wins election landslide amid coronavirus outbreak // The Guardian. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/16/south-koreas-ruling-party-wins-election-landslide-amid-coronavirus-outbreak> (accessed: 02.12.2021).

более лояльными государству – вероятно, в силу большего уровня тревожности и субъективной экономической депривации, которые испытывают представители данной части общества [Shcherbak, Ukhvatova, 2022].

Пандемия также вызвала в России кризис доверия, в том числе политического. Макушева и Нестик [Макушева, Нестик, 2020] полагают, что причинами снижения доверия к СМИ и политическим институтам являются противоречивость официальной информации и рассогласованность действий чиновников; адресованные правительству гражданами подозрения в сокрытии информации; дефицит эмпатии и двусторонних коммуникаций со стороны властей; массовое чувство несправедливости и разочарование, вызванное нарушенными обещаниями. Также было установлено, что акцент на высоких рисках при объяснении государственной политики по противодействию пандемии способствует большей поддержке ограничительных мер со стороны правительства, тогда как акцент на потерях других граждан не имеет значимого эффекта на поддержку ограничительных мер. При этом респонденты, которым более свойственны просоциальные ценности, в большей степени соглашались с необходимостью локдауна [Chmel, Klimova, Savin, 2021].

По итогам анализа данных первой волны опроса «Ценности в кризисе», материалы которого используются в настоящем исследовании, не было обнаружено прямых эффектов негативных экономических последствий пандемии¹ для индивида (потеря работы, переход на неполный рабочий день или банкротство) по отношению к институциональному доверию и одобрению действий властей. Непосредственное столкновение с болезнью также оказалось очень слабо связано с политической поддержкой. Более сильными предикторами оказались экономическая и коронавирусная тревожность, первая из которых ассоциировалась с более низким уровнем поддержки, а вторая – с более высоким. К числу других важных коррелятов поддержки относятся правые политические взгляды, доверие традиционным СМИ и ковид-скептицизм.

В целом имеющиеся данные по России подтверждают выводы зарубежных исследований о том, что на начальном этапе пандемии

---

¹ Соколов Б.О., Завадская М.А. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России. (Неопубликованная рукопись.)

большую роль в формировании политических реакций рядовых граждан играли эмоциональные факторы, а не экономические соображения. С другой стороны, пандемия продолжается уже не первый год. За это время неопределенность, характерная для начального периода, значительно снизилась, в то время как неблагоприятные материальные последствия происходящего, напротив, стали более заметными населению, например потребительская инфляция¹. Поэтому можно предположить, что по мере развития ситуации влияние экономических факторов на политическую поддержку должно было увеличиться.

Эмпирическая база и методология исследования

Данные. В качестве эмпирической основы статьи выступают данные двух российских волн международного социологического опроса «Ценности в кризисе» (ЦВК), проведенных с использованием онлайн-панели компании Online Marketing Intelligence (OMI) методом CASI (computer-assisted self-interview). Данная панель сертифицирована по стандарту ISO 20252:2019 и включает интернет-пользователей России старше 18 лет. Сбор данных в рамках первой волны происходил в середине июня 2020 г.²; вторая волна состоялась в апреле – мае 2021 г. Объем выборки составил 1527 респондентов и 1199 респондентов соответственно. 1014 человек приняли участие в обеих волнах. Коэффициент участия (*participation rate*) составил 2,01% для первой волны и 4,30% для второй; процент прерванных интервью (*break-off rate*) составил 8,03% для первой волны и 8,64% для второй.

Использовалась невероятностная выборка; для контроля ее социально-демографического состава были введены квоты на пол и возраст. Квоты определялись в соответствии с результатами

---

¹ Если в феврале 2020 г. коэффициент инфляции в годовом исчислении в России составлял 2,31, то в мае 2021 г. – 6,01 (максимальное значение с октября 2016 г.), а в ноябре – уже 8,40. См.: Таблицы инфляции // Уровень инфляции. рф. – Режим доступа: <https://уровень-инфляции.рф/таблицы-инфляции> (дата посещения: 15.12.2021).

² Материалы первой волны опубликованы в рамках международного архива [требуется регистрация]. – Mode of access: <https://data.aussda.at/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.11587/LINK1L> (accessed: 02.11.21).

Всероссийской переписи населения 2010 г. и актуальными данными Росстата за 2019 г. Однако среди респондентов, участвовавших в обеих волнах, доля женщин оказалась ниже, чем по результатам переписи (49,2% против 54,88%), тогда как доля мужчин – выше (50,8% против 46,12%). Средний возраст в этой категории (на момент первой волны) также был выше среднего по России (согласно переписи и полной выборке первой волны): 48,15 против 45,35 / 45,72 года, равно как и доли респондентов с высшим образованием и проживающих в городах

Зависимая переменная. Анкета ЦВК содержит четыре вопроса, относящихся к политической поддержке. Первые три измеряют уверенность (англ. *confidence*) в правительстве, системе здравоохранения и общественных институтах в целом. Их можно интерпретировать в качестве индикаторов *диффузной* поддержки, т.е. поддержки политической системы в целом [Easton, 1975; Mishler, Rose, 2005]. Соответствующие вопросы в анкете были сформулированы следующим образом: *Я перечислю Вам сейчас некоторые организации и общественные институты. Скажите, насколько Вы уверены в каждом из них – полностью уверены, в некоторой степени уверены, не очень уверены или совсем не уверены? (1) правительство; (2) система здравоохранения; (3) институты нашей страны в целом.*

Для каждого вопроса были доступны следующие варианты ответа: 1 – «Полностью уверен», 2 – «В некоторой степени уверен», 3 – «Не очень уверен», 4 – «Совсем не уверен». Для удобства интерпретации все три шкалы были перевернуты таким образом, чтобы максимальное значение (4) соответствовало наибольшему уровню уверенности.

Четвертый вопрос измерял специфическую поддержку действующего правительства, а именно оценку того, насколько эффективными являются предпринимаемые им меры по борьбе с пандемией. Использовалась следующая формулировка: *Насколько хорошо, как Вам кажется, наше правительство справляется с коронавирусным кризисом? Варианты ответа: 1 – «очень плохо», 2 – «скорее плохо», 3 – «отчасти плохо, отчасти хорошо», 4 – «скорее хорошо», 5 – «очень хорошо».*

Все четыре показателя тесно связаны между собой: для первой волны коэффициенты парной корреляции по Пирсону варьируют от 0,45 до 0,68 (от 0,61 до 0,68, если брать только показатели

диффузной поддержки); для второй – от 0,48 до 0,70 (от 0,66 до 0,70 для метрик диффузной поддержки). Поэтому на их основе был рассчитан интегральный индекс политической поддержки, представляющий собой арифметическое среднее по всем четырем переменным. Для удобства интерпретации этот индекс был приведен к шкале от 0 до 1, где 1 соответствует максимальному уровню поддержки.

Независимые и контрольные переменные. Для отражения индивидуального опыта болезни использовалась бинарная переменная, которой присваивалось значение «Да», если хотя бы одно из перечисленных событий происходило с респондентом с начала пандемии: (1) «я получил положительный результат теста на коронавирус», (2) «у меня есть / были легкие симптомы коронавируса», (3) «у меня есть / были тяжелые симптомы коронавируса», (4) «у моих близких есть / были легкие симптомы коронавируса», (5) «у моих близких есть / были тяжелые симптомы коронавируса». Важно отметить, что участников второго этапа просили отметить, случилось ли с ними что-то из вышеописанного за период с июня 2020 г. Всего из числа принявших участие в обеих волнах ЦВК 13% респондентов в первой волне и 53% респондентов во второй волне отметили, что имели индивидуальный опыт столкновения с коронавирусом¹.

Наличие негативного экономического опыта за период пандемии также фиксировалось с помощью бинарной переменной. Она принимала значение «Да», если респондент отметил, что с ним случилось хотя бы одно из следующих событий: (1) «я потерял работу», (2) «я был вынужден закрыть свой бизнес», (3) «я был вынужден перейти на неполный рабочий день». В первой волне с экономическими издержками, вызванными коронакризисом, столкнулись 22% респондентов; во второй – 21% (вопрос также задавался о периоде с июня 2020 г.).

Тревожность измерялась с помощью следующих вопросов: *Насколько Вы сильно беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса? Насколько Вы*

---

¹ При расчете долей учитывались только те респонденты, которые ответили хотя бы на один из соответствующих вопросов. Полностью проигнорировали этот блок 5,3% от общего числа участников в первой волне и 3,6% – во второй.

сильно беспокоитесь, что Вы или Ваши близкие пострадают от экономического спада, вызванного коронавирусом?

В обоих вопросах респондентам предлагалась пятибалльная шкала, где 1 означало «очень беспокоюсь», а 5 – «совсем не беспокоюсь», которая на этапе анализа была перевернута таким образом, чтобы максимальное значение (5) отражало наивысший уровень тревожности («очень беспокоюсь»).

В качестве контрольных использовались следующие переменные: пол, возраст, наличие высшего образования, семейный статус (состоит в браке или нет), наличие детей, месячный доход домохозяйства, политические взгляды по стандартной шкале «лево-право» (от 0 до 10). Также были включены два предиктора, для которых обнаружены крупные значимые эффекты при анализе материалов первой волны: доверие традиционным СМИ в противопоставлении социальным сетям (по шкале от 1 до 5) и склонность респондента к ковид-скептицизму¹.

Для статистического анализа применялось регрессионное моделирование по методу наименьших квадратов (МНК). Так как диагностики построенных регрессионных моделей выявили значимые нарушения допущений о гомоскедастичности и нормальности распределения остатков, рассчитывались стандартные ошибки, состоятельные при гетероскедастичности (тип HC3).

Результаты

Изменения в зависимой переменной между волнами. Описательные статистики для показателей политической поддержки в первой и второй волне представлены в табл. 1. Обращает на себя внимание то, что во второй волне по всем четырем частным индикаторам и по общему индексу средние значения выше, причем для большинства переменных различия статистически значимы. Таким образом, за год, прошедший между двумя этапами исследования, политическая под-

---

¹ Измерялся с помощью следующего вопроса: «В социальных сетях можно найти сообщения, в которых объявляют пандемию коронавируса обманом, а введение ограничительных мер – истерией и слишком острой реакцией. Согласны ли Вы с этим или не согласны?» (варианты ответа «Да» / «Нет»).

держка несколько выросла среди тех респондентов, которые участвовали в обеих волнах.

Таблица 1

Описательные статистики для показателей политической поддержки в первой и второй волне ЦВК¹

Переменная (размах)	Волна 1, N = 1014	Волна 2, N = 1014	p^2
Уверенность в правительстве (1–4)			0,7
Среднее (дисперсия)	2,10 (0,89)	2,11 (0,91)	
Пропуски (доля, %)	0 (0)	7 (0,7)	
Уверенность в системе здравоохранения (1–4)			0,075
Среднее (дисперсия)	2,06 (0,71)	2,10 (0,75)	
Пропуски (доля, %)	2 (0,2)	5 (0,5)	
Уверенность в институтах страны в целом (1–4)			0,004
Среднее (дисперсия)	2,17 (0,66)	2,24 (0,67)	
Пропуски (доля, %)	7 (0,7)	14 (1,4)	
Насколько хорошо правительство справляется с коронакризисом (1–5)			<0,001
Среднее (дисперсия)	2,82 (1,22)	2,93 (1,12)	
Пропуски (доля, %)	0 (0)	0 (0)	
Интегральный индекс политической поддержки (0–1)			0,001
Среднее (дисперсия)	0,40 (0,05)	0,41 (0,06)	
Пропуски (доля, %)	7 (0,7)	16 (1,6)	

¹ Учитываются только респонденты, принявшие участие в двух волнах.

² p -значения оценивались для рангового критерия Уилкоксона для парных выборок.

Регрессионный анализ. Модель 1 в табл. 2 показывает результаты регрессионного моделирования для тех респондентов первой волны, которые впоследствии приняли участие и во второй волне. Эти результаты в целом похожи на те, которые были получены ранее при анализе полной выборки первого этапа исследования¹: значимыми предикторами поддержки оказываются оба типа тревожности (при этом ковид-тревожность влияет положительно, а экономическая тревожность – отрицательно), равно как и доверие традиционным медиа (положительная связь), и ковид-скептицизм (отрицательная связь). При этом нестандартизированные коэффи-

¹ Соколов Б.О., Завадская М.А. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России. (Неопубликованная рукопись.)

циенты для значимых предикторов имеют чуть более высокие значения в усеченной выборке. Исключениями являются ковид-тревожность (которая в обоих случаях повышает политическую поддержку на 0,023 по шкале от 0 до 1) и опыт болезни (численное значение коэффициента равняется 0,03 в обоих случаях, но в полной выборке этот показатель имеет более высокую – и погранично значимую – р-величину: 0,06 против 0,13). Что касается контрольных переменных, то доход и идеологические взгляды имеют отличные от нуля эффекты в обоих множествах респондентов, тогда как возраст, значимый в полной выборке, не является таковым в усеченной. Для наличия детей наблюдается обратная ситуация – данная переменная связана с политической поддержкой только среди тех опрошенных, кто принял участие и во второй волне.

Таблица 2

Результаты регрессионного моделирования на данных двух волн опроса¹

	Политическая поддержка (0–1)	
	Волна 1	Волна 2
Экономические проблемы: да	0,009 (0,017)	-0,040* (0,017)
Опыт болезни: да	-0,030 (0,020)	-0,009 (0,014)
Ковид-тревога	0,023*** (0,007)	0,013 (0,008)
Эконом. тревога	-0,035*** (0,008)	-0,041*** (0,008)
Пол: женский	0,006 (0,014)	0,004 (0,014)
Возраст	-0,001 (0,001)	-0,0002 (0,001)
Наличие высшего образования	0,004 (0,015)	-0,008 (0,014)
Состоит в браке: да	0,025 (0,018)	0,004 (0,016)
Имеются дети: да	0,037* (0,018)	0,009 (0,018)
Доход	-0,007* (0,003)	-0,002 (0,002)
Лево / право	0,018*** (0,005)	0,019*** (0,004)
Доверие традиционным СМИ	0,067*** (0,005)	0,076*** (0,006)
Ковид-скептицизм: да	-0,066*** (0,016)	-0,044** (0,016)
Константа	0,208*** (0,050)	0,230*** (0,050)
Число наблюдений (N)	897	914
Скорректированный R ²	0,272	0,267

¹ Примечание: зависимая переменная представляет собой обобщенный индекс, рассчитанный как арифметическое среднее четырех показателей политической поддержки и затем приведенный к шкале от 0 до 1, где 1 соответствует максимальному уровню поддержки. В таблице представлены нестандартизованные МНК-коэффициенты (в скобках указаны стандартные ошибки, устойчивые к гетероскедастичности и ненормальности: тип HC3).

Уровни значимости: *p<0.05; **p<0.01; ***p<0.001.

Если сравнивать регрессионные модели по первой и второй волне (модель 2 в табл. 2) для тех респондентов, кто участвовал в обеих, то бросается в глаза, что снижаются коэффициенты и для опыта заболевания (который и до этого был в лучшем случае погранично значимым предиктором политической поддержки), и для ковид-тревожности (которая во второй волне оказывается лишь погранично значимой: $p = 0,098$). В свою очередь, для экономических переменных эффекты в числовом выражении становятся сильнее: для экономической тревоги коэффициент растет с 0,035 до 0,041 (по модулю), а для негативного экономического опыта – меняет знак (с положительного на отрицательный), увеличивается по модулю более чем в четыре раза (с 0,009 до 0,040) и становится статистически значимым ($p = 0,016$ против 0,577 в первой волне).

Для дохода, однако, тренд обратный: на втором этапе исследования эта переменная не демонстрирует заметной связи с политической поддержкой (как и наличие детей). Три контрольные переменные, для которых при анализе полной выборки 2020 г. были выявлены самые сильные (в стандартизованных величинах) ассоциации с установками россиян по отношению к власти¹ – идеологические предпочтения по шкале «лево-право», доверие традиционным СМИ, доверие традиционным СМИ и ковид-скептицизм – остаются значимыми предикторами и весной 2021 г. Для первого показателя изменение в величине эффекта за год оказывается совсем небольшим: сдвиг на одно значение вправо по идеологической шкале (от 0 до 10) повышает политическую поддержку на 0,019 (против 0,018 в первой волне). Для второго наблюдается некоторое увеличение в силе связи: сдвиг на одну единицу (по шкале от 1 до 5) в сторону большего доверия традиционным СМИ (против социальных медиа) способствует росту индекса поддержки на 0,076 (против 0,067). А вот эффект ковид-скептицизма становится меньше в полтора раза ($-0,044$ против $-0,066$), хотя и остается статистически значимым.

Для того чтобы понять, насколько большими являются обнаруженные различия в величине коэффициентов различных переменных между волнами, были построены четыре регрессионные

---

¹ Соколов Б.О., Завадская М.А. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России. (Неопубликованная рукопись.)

модели на объединенной выборке для двух волн, включающие эффекты взаимодействия (по одному на модель) между основными независимыми переменными и этапом исследования¹. Соответствующие результаты предполагают, что изменение величины эффекта для негативного экономического опыта (но не для опыта болезни) между волнами является статистически значимым, для экономической и ковид-тревоги – погранично значимым. Также были оценены вспомогательные модели с эффектами взаимодействия между волной и идеологическими предпочтениями, доверием к традиционным СМИ и ковид-скептицизмом, но заметной динамики в силе эффектов трех указанных контрольных переменных выявить в них не удалось.

Интерпретация

По сравнению с первым этапом пандемии весной 2021 г. экономические соображения, причем как ретроспективные (негативный опыт), так и проспективные (тревога), стали играть более важную роль. Против такой интерпретации может свидетельствовать незначимый коэффициент для дохода, однако характерно, что в России люди с левыми политическими взглядами в целом меньше доверяют институтам и хуже оценивают деятельность правительства по борьбе с пандемией. Кроме того, снижение (по модулю и по уровню значимости) важности дохода, который ранее был отрицательно связан с политической поддержкой, может означать что предпринятые властями действия по поддержке уязвимых групп оказались не вполне достаточными.

Сам фактор коронавируса (и опыт болезни, и опасения заболеть самому или что заразится кто-то из близких), напротив, в первой половине 2021 г. перестал быть значимым коррелятом политической поддержки. Интересно, что даже те респонденты, у которых в семье кто-то умер от COVID-19 (81 человек, или 8% от общей численности панели)², во второй волне в среднем имели

---

¹ Таблицы коэффициентов для описываемых в этом абзаце моделей не показаны в целях экономии места. Могут быть представлены по запросу первым автором.

² В первой волне ЦВК этот вопрос не задавался, поэтому он не учитывался при составлении комплексного индикатора опыта столкновения с болезнью.

практически такие же показатели поддержки, как и те, кто с болезнью напрямую не столкнулся (0,42 против 0,43)¹. Можно предположить, что коронавирусная инфекция стала рутинным фоном отечественной повседневности и не воспринимается большинством как сфера ответственности государства. В пользу этого говорит и тот факт, что средние значения по отдельным показателям политической поддержки и по интегральному индексу немного выросли во второй волне ЦВК.

Обнаруженные ранее эффекты доверия традиционным СМИ (положительный) и ковид-скептицизма (отрицательный) в целом сохранялись весной 2021 г. Впрочем, первый показатель скорее всего связан с политической поддержкой не каузально, а в том смысле, что обе переменные отражают отношение респондентов к различным аспектам сложившегося в стране общественно-политического порядка. Однако нельзя исключать, что эта корреляция отражает эффекты той медиакартинки, которую государственные медиа, доминирующие в офлайн-сегменте, предлагают своей аудитории.

Похожие аргументы можно предложить и для объяснения наблюдаемого эффекта ковид-скептицизма. Разнообразные теории заговора были популярны в России и до пандемии [Yablokov, 2018]. Вполне вероятно, что их сторонники изначально хуже относились к правительству и одновременно оказались более восприимчивы к конспирологическим идеям по поводу коронавируса. Кроме того многие публичные деятели, в том числе и официальные представители правительства, на первом этапе распространения заболевания недооценивали его опасность². Последовавшие затем строгие ограничительные меры (введение общенационального локдауна) могли вызвать диссонанс у поверивших им людей. С другой стороны, материалы первой волны ЦВК показывают, что скептические настроения преобладают среди возрастов, в наибольшей степени востребованных на рынке труда (25–60 лет), а также среди тех, кто столкнулся с негативными экономическими

---

¹ Для тех, у кого опыт болезни был, но никто из родных не скончался, соответствующее значение интегрального индекса было чуть ниже – 0,39.

² Например, доктор А.Л. Мясников, который с апреля по июль 2020 г. был официальным представителем Информационного центра по мониторингу ситуации с коронавирусом в Москве. См.: «В мае спад»: доктор Мясников дал новый прогноз по COVID-19 // Газета. ру. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/22/13057807.shtml> (дата посещения: 15.12.2021).

последствиями пандемии¹. Это верно и для второй волны: среди тех, кто потерял работу или перешел на неполный рабочий день, скептиков весной 2021 г. было 36% – против 29,4% среди более успешных в этом отношении сограждан. Подобный опыт, вероятно, также способен провоцировать как недоверие к официальному коронавирусному нарративу, так и более критическое отношение к власти. Данных лонгитюдного опроса с двумя временными точками в любом случае недостаточно, чтобы однозначно установить направление связи между этими показателями. Для этого потребуются дополнительные исследования, причем не только количественные, но и качественные.

В целом анализ данных второй волны опроса «Ценности в кризисе» показывает, что в ситуации, когда пандемия превратилась из относительно кратковременного шока в долгоиграющий фактор российской политики, экономические соображения становятся более важными с точки зрения влияния на политическую поддержку, чем само столкновение с болезнью или вызванная новизной инфекции неопределенность и тревожность. С другой стороны, и материалы ЦВК, и результаты мониторинговых опросов ведущих отечественных поллстеров, приведенные в начале статьи, свидетельствуют о том, что в среднесрочной перспективе уровень поддержки властей в России как минимум не снижается в ходе пандемии, хотя и несколько упал по сравнению с доковидным периодом (впрочем, в значительно меньшей степени, чем в результате объявления пенсионной реформы в 2018 г.). Так или иначе, нет оснований утверждать, что к началу лета 2021 г. индивидуальный опыт пандемии сильно сказался на отношении людей к российской политической системе в плане как диффузной (институциональное доверие), так и специфической (одобрение антиковидных мер) поддержки. В этом отношении показательно, что в регрессионных моделях, в которых оставлены четыре основных независимых переменных и исключены все контроли, скорректированный коэффициент детерминации сильно снижается: 0,069 против 0,272 в полной модели для первой волны и 0,073 против 0,267 – для второй. Другими словами, особенности индивидуальной траектории

---

¹ Соколов Б.О., Завадская М.А. Индивидуальный опыт первой волны пандемии COVID-19 и политическая поддержка в России. (Неопубликованная рукопись.)

во время пандемии объясняют не более 7% наблюдаемой вариации в уровне политической поддержки.

Эти выводы, однако, должны восприниматься с осторожностью. Как было отмечено, «Ценности в кризисе» – это онлайн-опрос с нерепрезентативной выборкой, поэтому представленные статистические выкладки не могут быть распространены на все население Российской Федерации. Ситуация усугубляется тем, что выбытие респондентов между волнами носит неслучайный характер (так, женщины менее склонны продолжать участие в исследовании, чем мужчины). Другим важным ограничением данных ЦВК является тот факт, что второй этап опроса проходил в апреле – мае 2021 г. К концу 2021 г. ситуация могла измениться из-за роста общественного недовольства в связи с предложениями правительства по введению QR-кодов для вакцинированных и переболевших. В конце ноября была запущена третья волна ЦВК; весной 2022 г. планируется четвертая. Данные этих опросов, равно как и материалы других исследований, позволяют составить более полную картину эволюции факторов политической поддержки в России в условиях пандемии COVID-19.

B.O. Sokolov, M.A. Zavadskaya, K.Sh. Chmel*

The dynamic of political support in Russia during the COVID-19 pandemic: evidence from ‘the Values in Crisis’ survey data analysis¹

Abstract. How the COVID-19 pandemic affected the attitudes of Russians towards political institutions? The aggregate data of public opinion polls suggest that, according to various available indicators, the level of political support in Russia has slightly dropped, compared to the pre-pandemic period. Yet, this kind of data does not allow one to infer what aspects of the pandemic experience are the most important predictors of individual assessments of the government's performance. The article presents the results of the analysis of the data from the first two Russian waves of the international online panel survey ‘Values in Crisis’ (ViC). The first wave was carried out in

---

***Sokolov Boris**, HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: bssokolov@hse.ru; **Zavadskaya Margarita**, European University at St. Petersburg; HSE University (St. Petersburg, Russia), e-mail: mzavadskaya@eu.spb.ru; mzavadskaya@hse.ru; **Chmel Kirill**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: kchmel@hse.ru

¹ The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020–928).

Jun 2020; the second – in April-May 2021. The sample size was 1,527 and 1,199 respectively; 1,014 respondents participated in both waves. The main dependent variable is an integral index of political support that includes indicators of both diffuse and specific support. Regression modeling demonstrates that during the first wave of the pandemic in Russia (spring 2020) the direct experience of the disease and COVID-related anxiety were positively correlated with political support, while anxiety over economic losses showed negative correlation. A decrease in economic well-being had no effect on political support. Other significant predictors included right-wing political views and trust in traditional media (leading to an increase in support) and propensity to share COVID-skepticism (leading to a decrease in support). One year later, in the first half of 2021, the situation has somewhat changed: neither experiencing COVID, nor COVID-related anxiety were no longer associated with support, while the effect of economic factors became more prominent.

Keywords: political support; COVID-19 pandemic; retrospective voting; rally round the flag; institutional trust; Russian politics.

For citation: Sokolov B.O., Zavadskaya M.A., Chmel K.Sh. The dynamic of political support in Russia during the COVID-19 pandemic: evidence from ‘the Values in Crisis’ survey data analysis. *Political science (RU)*. 2022, N 2, P. 122–143. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.02.06>

References

- Baccini L., Brodeur A., Weymouth S. The COVID-19 Pandemic and the 2020 US Presidential Election. *Journal of population economics*. 2021, Vol. 34, N 2, P. 739–767. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00148-020-00820-3>
- Bangerter A., Krings F., Mouton A., Gilles I., Green E.G., Clémence A. Longitudinal investigation of public trust in institutions relative to the 2009 H1 N 1 pandemic in Switzerland. *PLoS one*. 2012, Vol. 7, N 1, P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0049806>
- Groeling T., Baum M.A. Crossing the water's edge: Elite rhetoric, media coverage, and the rally-round-the-flag phenomenon. *The journal of politics*. 2008, Vol. 70, N 4, P. 1065–1085. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0022381608081061>
- Bol D., Giani M., Blais A., Loewen P.J. The effect of COVID-19 lockdowns on political support: Some good news for democracy? *European journal of political research*. 2021, Vol. 60, N 2, P. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12401>
- Busygina I., Filippov M. COVID and federal relations in Russia. *Russian politics*. 2021, Vol. 6, N 3, P. 279–300. DOI: <https://doi.org/10.30965/24518921-00603001>
- Chmel K., Klimova A., Savin N. The effect of risk framing on support for restrictive government policy regarding the COVID-19 outbreak. *PLoS one*. 2021, Vol. 16, N 10. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258132>
- De Vries C.E., Bakker B.N., Hobolt S.B., Arceneaux K. Crisis signaling: how Italy's coronavirus lockdown affected incumbent support in other European countries. *Political science research and methods*. 2021, Vol. 9, N 3, P. 451–467. DOI: <https://doi.org/10.1017/psrm.2021.6>

- Easton D.A. Reassessment of the concept of political support. *British journal of political science*. 1975, Vol. 5, N 4, P. 435–457.
- Esaïasson P., Sohlberg J., Ghersetti M., Johansson B. How the coronavirus crisis affects citizen trust in institutions and in unknown others: Evidence from ‘the Swedish experiment’. *European journal of political research*. 2021, Vol. 60, N 3, P. 748–760. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12419>
- Fiorina M.P. Some problems in studying the effects of resource allocation in congressional elections. *American journal of political science*. 1981, Vol. 5, N 3, P. 543–567. DOI: <https://doi.org/10.2307/2110818>
- Glaurdić, J., Lesschaeve, C., Mochtak, M. Coronavirus pandemic response and voter choice: evidence from Serbia and Croatia. *Communist and post-communist studies*. 2021, Vol. 54, N 4, P. 197–214. DOI: <https://doi.org/10.1525/j.postcomstud.2021.54.4.197>
- Healy A., Malhotra N. Retrospective voting reconsidered. *Annual review of political science*. 2013, Vol. 16, P. 285–306. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-032211-212920>
- Hernández E., Kriesi H. The electoral consequences of the financial and economic crisis in Europe. *European journal of political research*. 2016, Vol. 55, N 2, P. 203–224. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12122>
- Herrera H., Ordoñez G., Konradt M., Trebesch C. *Corona politics: the cost of mismanaging pandemics*. Kiel Working Paper N 2165. Kiel Institute for the World Economy. Mode of access: https://euagenda.eu/upload/publications/kwp_2165.pdf.pdf (accessed: 14.12.2021)
- Key V.O. The responsible electorate: Rationality in presidential voting, 1936–1960. Cambridge, MA: Belknap Press, 1966, 158 p. Kowalewski M. Street protests in times of COVID-19: adjusting tactics and marching ‘as usual’. *Social movement studies*. 2020, Vol. 20, N 6, P. 1–8. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2020.1843014>
- Kritzing S., Foucault M., Lachat R., Partheymüller J., Pleščia C., Brouard S. ‘Rally round the flag’: the COVID-19 crisis and trust in the national government. *West European politics*. 2021, Vol. 44, N 5–6, P. 1205–1231. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2021.1925017>
- Lewis-Beck M.S., Stegmaier M. Economic models of voting. In: Dalton R.J., Klingemann H.- D. *The Oxford handbook of political behavior*. Oxford: Oxford handbook online, 2007. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0027
- Makusheva M.O., Nestik T.A. Socio-psychological preconditions and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2020, N 6, P. 427–447. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>. (In Russ.)
- Mishler W., Rose R. What are the political consequences of trust? A test of cultural and institutional theories in Russia. *Comparative Political Studies*. 2005, Vol. 38, N 9, P. 1050–1078. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414005278419>
- Newton K. Government communications, political trust and compliant social behaviour: the politics of Covid-19 in Britain. *The political quarterly*. 2020, Vol. 91, N 3, P. 502–513. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12901>

- Pleyers G. The Pandemic is a battlefield. Social movements in the COVID-19 lockdown. *Journal of civil society*. 2020, Vol. 16, N 4, P. 295–312. DOI: <https://doi.org/10.1080/17448689.2020.1794398>
- Poortinga W., Pidgeon N.F. Trust, the asymmetry principle, and the role of prior beliefs. *Risk analysis: an international journal*. 2004, Vol. 24, N 6, P. 1475–1486. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0272-4332.2004.00543.x>
- Renström E.A., Bäck H. Emotions during the Covid-19 pandemic: Fear, anxiety, and anger as mediators between threats and policy support and political actions. *Journal of applied social psychology*. 2021, Vol. 51, P. 861–877. DOI: <https://doi.org/10.1111/jasp.12806>
- Schraff D. Political trust during the Covid-19 pandemic: Rally around the flag or lockdown effects? *European journal of political research*. 2021, Vol. 60, N 4, P. 1007–1017. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12425>
- Shcherbak A., Ukhvatova M. The Symphony is Over? The effect of the COVID-19 pandemic on the Russian orthodox church–state relations. *Problems of post-communism*. 2022, Vol. 69, N 1, P. 58–70. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1994424>
- Sjöberg L. Political decisions and public risk perception. *Reliability engineering & system safety*. 2001, Vol. 72, N 2, P. 115–123. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0951-8320\(01\)00012-6](https://doi.org/10.1016/s0951-8320(01)00012-6)
- Yablokov I. *Fortress Russia: conspiracy theories in post-soviet Russia*. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity press, 2018, 288 p.

Литература на русском языке

- Макушева М.О., Нестик Т.А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – Т. 160, № 6. – С. 427–447. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>